

Елена ОСИПОВА АРКАДЬЕВНА*

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ (НА ПРИМЕРЕ ДУХОВНЫХ РАССУЖДЕНИЙ И. В. КИРЕЕВСКОГО)

Аннотация: В статье исследуются некоторые философские и публицистические работы выдающегося русского мыслителя-славянофила И. В. Киреевского, посвященные интеллектуальному и культурному наследию западной Европы и вопросу о духовном потенциале славянского мира как неотъемлемой и важнейшей части великого индоевропейского древа.

Ключевые слова: *И. В. Киреевский, русские мыслители-славянофилы, Европа, духовное просвещение*

Как известно, русские мыслители славянофилы, определившие важнейшее направление отечественной общественной и философской мысли 1840–1850 гг. и обосновавшие самобытный путь исторического, духовного и культурного развития России, основной упор в своих трудах делали прежде всего на русскую национальную традицию. Между тем защита угнетаемых славян, насаждение у них просвещения и деятельный труд на благо единства славянского мира также были важнейшей, неотъемлемой частью их мировоззрения. Это проистекало из естественного воззрения, что русские являются первым по численности славянским народом, а самобытные начала русской действительности в основе своей восходят еще к эпохе славянской общности. В то же время России как хранительнице истинной веры отводилась особая,

* Осипова Елена Аркадьевна (Москва), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

обязывающая роль по отношению к другим народам, особенно — к славянским. Характерно высказывание К. С. Аксакова, считавшего термин „славянофильство“ не совсем удачным: „Можно назвать славянофилом немца или француза, — но странно было бы называть француза галлофилом или немца германофилом, так точно как славянина по рождению, — славянофилом“ [8, с. 6]. Иными словами, тяготение к славянству было для русских, с точки зрения этих мыслителей, делом естественным и насущной потребностью.

Но хотя славянофилы связывали „народное русское дело с делом общеславянским“ [14, с. 2], их в то же время горячо волновала и судьба Европы, неотделимая, по их мнению, от судьбы славянства. Особенно показательны слова А. Н. Попова из его предисловия к книге „Путешествие в Черногорию“ (1847), где он прямо высказывает мнение, что славянский вопрос — „это вопрос Европы, к которой принадлежим и мы, это вопрос наш“ [13, с. V]. Совершенно созвучными подобному видению является и высказывание известного военачальника и мыслителя, генерала Р. А. Фадеева, писавшего о великом призвании славянства, которое есть ничто иное как „последняя арийская, то есть прогрессивная порода, выступающая на сцену света; особая религиозная основа, исключительно чистая, просвещавшая до сих пор личную совесть людей, но в общественном отношении лежавшая под спудом...“ [9, с. 349]. По своему характерны и оценки А. С. Хомякова — из его известного стихотворения „Мечта“, где автор глубоко и искренне скорбит об отпадении западного ареала европейской цивилизации, бывшей некогда „страной святых чудес“:

*О грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес [16, с. 215].*

Между тем, как считают исследователи, наибольшее внимание данной теме, по сравнению с другими мыслителями-славянофилами, уделял И. В. Киреевский [10, с. 97]. В этом отношении весьма показательным названием созданного им в 1832 г. журнала „Европеец“, ставшего в определенной мере провозвестником будущей программы славянофилов.

Однако уже их современники, в основном из числа т. н. западников и идейно примыкавших к ним лиц, зачастую тенденциозно

перетолковывали, домысливали главные идейные положения данной программы. Весьма обстоятельно на эту тему высказался М. П. Погодин в своей статье „К вопросу о славянофилах“. Она явилась ответом на очерк историка А. Н. Пыпина о славянофильстве, опубликованный в журнале „Вестник Европы“ в 1872 г. Не ставя под сомнение „искусство и талант автора“, Погодин, оскорбившись за славянофилов, пожелал дать решительную отповедь Пыпину и в его лице всем, кто берется судить об их учении, превратно истолковывая его по-своему: „Читая Г[осподина] Пыпина, читатель имеет полное право думать, что так называемые славянофилы терпеть не могли европейского образования, не обращали внимания на европейскую науку, на искусство, не дорожили гражданственностью западную, одним словом, ненавидели запад“ [12]. Опровергая подобные нелепые, с его точки зрения, заблуждения, Погодин писал: „...в действительности ни один из западников не был так знаком с западом, во всех отношениях, как славянофилы; ни один не изучал его с таким вниманием, постоянством, как Хомяков, Киреевский, Шевырев... Мифология, религия, вероисповедание, право, язык, наука, искусство, литература, общество западное были равно им известны исторически, критически, статистически. Первые западники, с которыми нынешних тщедушных потомков и сравнивать нельзя, напр., Грановский, Герцен должны были уступать им во всех спорах, при зарождении партий (чем и усиливалась неприязнь)“ [12].

Действительно, блестящее знание европейской культуры, а также сущностный, глубинный подход к изучению её истории, восходящей ко временам античности, позволили славянофилам оценить по достоинству всё то, что сформировало и определило ход развития Европы и характер ее просвещения в пору ее расцвета. Многие из этого, согласно их убеждению, следовало бы перенять и России, но не в виде слепого подражания, а в форме творческого усвоения, в соответствии с русским национальным духом. Этой теме, в частности, посвящена статья И. В. Киреевского „Девятнадцатый век“, которая была опубликована в первом номере журнала „Европеец“ и считается „программной“ для данного издания. Созвучные Киреевскому мысли высказывал и С. П. Шевырев в своей статье „Взгляд Русского на современное образование Европы“, которую он оканчивал следующими словами: „Да будет же Россия силой хранящей и соблюдающей в отношении Запада, да сохранит

она на благо всему человечеству сокровища его великого прошлого“ [2, с. 67].

Характерно и то, что важным стимулом для Киреевского было стремление пробудить современную ему европейскую общественность, помочь ей обрести ее же собственные исконные, христианские начала: „Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей Церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу Церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно именно открывается то, чего теперь требует просвещение Европы“ [4, с. 46]. Таким образом он обращался к „генетической памяти“ европейских народов, тем более, что в истории были периоды, когда именно западная Европа, в частности в эпоху правления франкских королей была оплотом истинной веры, в то время как Русь оставалась еще языческой, а Византию раздирали страшные антихристианские ереси.

Прот. Василий Зеньковский в своей книге „Русские мыслители и Европа“ подчеркивал, что несмотря на острую критику славянофилами многих явлений западной жизни, их учение „вовсе не было антизападничеством, а соединялось даже с своеобразной и глубокой любовью к нему“ [2, с. 66]: „Славянофилы воспринимали Запад как христианский мир — отсюда чувство глубокого родства с ним, однородности задач, и отсюда же свободное, а не пристрастное, не злорадное обсуждение его истории, его итогов“ [4, с. 76]. У славянофилов было четкое осознание того, что именно искажение религиозных основ, некогда сформировавших европейскую культуру со временем завело западноевропейский мир в тупик, выход из которого людям Запада представляется, по утверждению А. С. Хомякова, „неразрешимой загадкой“ [4, с. 79]. Как считал мыслитель, „понять эту загадку можем только мы, воспитанные иным духовным началом“ [4, с. 79].

Таким образом, Киреевский стремился к цельности, желая на ниве русского просвещения использовать достояние высокоразвитой европейской образованности, оживотворив ее духом Православия, утрата которого выхолостила западноевропейское сознание, придав ему характер холодного анализа и отвлеченного рационализма, ставшего основанием схоластического западного богословия — провозвестника будущей реформации, а затем и „философии вне веры“ [6, с. 226]. Несмотря на то, что, по словам

Киреевского, науки в его время процветали на Западе „более, чем когда-нибудь“ [7, с. 231], „чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которых мысль не ограничивалась тесным кругом минутных интересов, именно потому, что самое торжество ума Европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений; потому что, при всем богатстве, при всей, можно сказать, громадности частных открытий и успехов в науках, общий вывод из всей совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека; потому что, при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни, самая жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо не проникнутая никаким общим, сильным убеждением, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием“ [7, с. 231].

О любви славянофилов и особенного Киреевского к Европе говорит то обстоятельство, что тема эта постоянно присутствует в его философских работах и публицистике. При этом поражает не только его панорамное видение и знание истории, особенностей общественно-политической жизни, просвещения, философской мысли, религиозного состояния Европы во все века ее существования, но и тонкое понимание национальной психологии, образа мыслей и характера мышления разных европейских народов. Причем характер этот, считает Киреевский, происходит от особого отношения разума к вере, принятого в традиции той или иной европейской страны [6, с. 226]. Так, например, пишет Киреевский, „немец трудолюбиво и совестливо вырабатывает свое убеждение из отвлеченных выводов своего разума; француз берет его, не задумавшись, из сердечного сочувствия к тому или другому мнению; англичанин арифметически рассчитывает свое положение в обществе и, по итогу своих расчетов, составляет свой образ мыслей“ [5, с. 139]

Славянофилы полагали, что, возможно, именно теперь, настало время для того, чтобы незамечаемый доселе Западом „Православно-словенский мир“ помог ему обрести его собственные же духовные начала, тем более, что благоприятной почвой для этого Киреевский видел в возникшей там религиозной потребности, что проявилось даже в своего рода перевороте умственного направления в Германии, отчасти подготовленного событиями 1812 года [5, с. 131]. В то же самое время в отечественной словесности, по его мнению, наметились изменения, способные „преобразовать

характер нашей подражательной подчиненности в своеобразное развитие внутренних начал нашей собственной жизни“ [5, с. 173]. Киреевский считает, что это может послужить началом возникновения нового „Славяно-христианского направления“ [5, с. 131].

Киреевский равно отвергал два противоположных мнения, состоящих как в безотчетном принятии всех западных форм, так и в попытке следовать только и исключительно древним основам уже ушедшей русской жизни. Он призывал к более широкому видению основных причин нынешнего положения дел на Западе и духовно-осмысленному и ответственному подходу при их разборе: „И что, в самом деле, за польза нам отвергать то, что было, или есть доброго в жизни Запада? — вопрошал он. — Не есть ли оно, напротив, выражение нашего же начала, если наше начало истинное?“ [5, с. 157] Примечательно, что трагическое отпадение западноевропейского мира от Вселенской Церкви в середине XI столетия Киреевский расценивает как страшный урон, одинаково нанесенный и миру восточному по причине их глубокой внутренней взаимосвязи, что в свою очередь сказалось на всем ходе мировой истории. Так нарушилась бывшая прежде гармония, и прервалось поступательное развитие, предполагающее, что „Восток передает Западу свет и силу умственного просвещения, Запад делится с Востоком развитием общности“ [6, с. 242].

Касаясь в своих работах тех или иных вопросов, связанных с просвещением, образованием или современным состоянием словесности, Киреевский всякий раз возвращается к одной из своих центральных идей, ставших, по выражению прот. Василия Зеньковского, своего рода завещанием мыслителя, а именно — к идее синтеза европейской культуры и Православия [2, с. 89]. Он вдохновенно говорит о взаимообогащении двух типов культур, о необходимости дополнить европейскую образованность „верховным, живым началом нашего просвещения“ [5, с. 161], „очищая от характера исключительной рациональности и проницаая новым смыслом“ [5, с. 162], в то время как сама она „как зрелый плод всечеловеческого развития“ [5, с. 162] способна послужить „развитием нашей умственной деятельности“ [5, с. 162]. Подытоживая важнейшую для своего мировоззрения мысль, Киреевский пишет: „Поэтому любовь к образованности Европейской, равно как любовь к нашей, обе совпадают в последней точке своего развития в одну любовь, в одно стремление к живому, полному, всечеловеческому и истинно Христианскому просвещению“ [5, с. 162].

Трезво оценивая известные заблуждения, присущие Западной Европе, мыслитель все же был чужд мысли о том, что она безвозвратно погибла и неколебимо верил в возможность ее исцеления и восстания. Отсюда понята его мысль о том, что бездумно отрекаться от нее, мы тем самым отрекаемся и от самих себя, от собственной великой роли и призвания. Подобное видение мыслителями-славянофилами миссии славянства в судьбе Европы предполагало, по точному выражению Ф. М. Достоевского, „духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово“ [1, с. 230].

Поистине самоотверженная, бескорыстная любовь славянофилов и их соратников к Европе соединялась у них с глубокой скорбью о ее духовном ослеплении, что вызывало у некоторых из них, в частности, у И. С. Аксакова и М. П. Погодина [11, с. 256] еще большую горечь и негодование от ее неоправданной, по их мнению, враждебности в период Крымской кампании. Спустя десятилетия, уже во время русско-турецкой войны Достоевский, наблюдая привычное недоверие к нам Европы, признавался: „О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы — эта самая Европа, эта „страна святых чудес“! Знаете ли вы, как дороги нам эти „чудеса“ и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена, населяющие ее, и всё великое и прекрасное, совершенное ими. Знаете ли, до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и родной нам страны, как пугают нас эти мрачные тучи, всё более и более заволакивающие ее небосклон? Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему, исконные враги ее! Нет, нам дорога эта страна — будущая мирная победа великого христианского духа, сохранившегося на Востоке...“ [1, с. 233].

Славянофилы не были до конца поняты и верно восприняты русским обществом в XIX столетии, однако их идеи, обретая со временем все большую значимость, неизменно актуальны и ныне. Так, например, в области науки многие положения славянофильского учения о славянстве как о неотъемлемой части великого индоевропейского древа успешно отстаивал крупнейший отечественный славист и языковед XX века академик О. Н. Трубачев (1930–2002). Он не только научно обосновал исконность

славянского присутствия на среднем Дунае, но и всемерно боролся против порочной тенденции „выталкивания славян из Европы“ [15, с. 57], которая, по его словам есть „симбиоз Германии, Романии и Славии“. Посему можно с уверенностью утверждать, что ко всей научной и общественной деятельности академика Трубачева, равно как русских мыслителей-славянофилов, наиболее приложимы известные слова Достоевского: „для истинно русского Европа и судьба всей великой арийской расы настолько же важна, как сама Россия, как судьба родной земли...“ [3, с. 354].

Ту же мысль неоднократно высказывали известные деятели культуры, писатели, художники. В. Г. Распутин обращался с высоких трибун к „братьям-славянам“, призывая одновременно и русское общество повернуться лицом к нашим единокровным братьям. И хотя пока еще рано говорить о смене т. н. „евразийского“ вектора нашей общественно-культурной политики (равно как и о преодолении социально-интернациональных и космополитических тенденций), определенные шаги в „славянском“, а значит, в традиционно-историческом направлении все-таки делаются, а это — уже повод для христианского оптимизма и уверенного взгляда из прошлого в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Июль — Август. Глава вторая. Признания славянофила // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14.
- [2] Зеньковский В. В., *прот.* Русские мыслители и Европа. Париж, 1926.
- [3] Цит. по: И. А. Ильин. Гении России // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. III. М., 1997.
- [4] Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // И. В. Киреевский. П. В. Киреевский. Полное собрание сочинений в 4-х томах. Том первый. Калуга, 2006.
- [5] Киреевский И. В. Обзорение современного состояния литературы // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в 2-х томах. Том 1. М., 1911.
- [6] Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в 2-х томах. Т.1.
- [7] Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в 2-х томах. Т. 2. М., 1861.
- [8] Цит. по: Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е гг.). Л., 1984.

- [9] Цит. по: *Митрополит Иоанн (Снычев)*. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. М.: Институт русской цивилизации, 2017.
- [10] *Можарова М. А. Л. Н. Толстой и И. В. Киреевский: преемственные связи*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1999.
- [11] *Погодин М. П.* К Грайфне Б<лудов>ой о начавшейся войне // Михаил Погодин. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
- [12] *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // Гражданин. Газета-журнал политический и литературный. 1873, № 11.
- [13] *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.
- [14] Сборник „Славянство“. Издание II. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1877.
- [15] *Трубачев О. Н.* Славяне и Европа // Заветное слово. М., 2007. (Славянский мир. Приложение к журналу „Новая книга России“).
- [16] *Хомяков А. С.* Мечта // Полное собрание сочинений. Т.4. М., 1900.

Елена АРКАДЕВНА ОСИПОВА

РЕЛИГИОЗНА ФИЛОЗОФИЈА СЛАВИСТА (НА ПРИМЕРУ
ДУХОВНИХ ПРОСУЂИВАЊА И. В. КИРЕЈЕВСКОГ

Резиме

У огледу *Религиозна филозофија слависта (на примеру духовних просуђивања И. В. Кирејевског)* ауторка, Елена Аркадевна Осипова анализира и тумачи неколико филозофских радова познатог руског филозофа и слависте Ивана Васильевича Кирејевског (1806–1856), посвећених интелектуалном и културном наслеђу западне Европе и питању очувања духовног потенцијала словенског света као најважнијег дела велике индоевропске традиције.

Она је представила гледишта о утицајима западне културе на словенске просторе, садржане у исказима филозофа, путника и војсковођа 19. века, као што су: К. С. Аксаков, А. Н. Попов, генерал Р. А. Фадејев, песник А. С. Хомјак-ков. Неки од филозофа тог времена, као нпр. М. П. Пагодин и А. Н. Пипин ни-јесу се слагали око питања уплива западне културе у живот словенских народа, као ни о ставу словенских народа према западној култури и умјетности. Паго-дин је сматрао да просјечно образовани Словен много више познаје западно-европску митологију, религију, право, језик и књижевност, науку и умјетност, од неког житеља западне Европе. Киријевски се залагао да најсвјетлије примје-ре руске културе, науке и умјетности представи грађанима Француске, Њемач-ке и других земаља с једне стране посматрано, а да, с друге стране, из западне културне баштине пренесе на руско тле оно што је помогло њиховом развоју и што би најбоље могло да се уклопи у руски идиом, поготово што су словен-ски народи увијек доживљавали народе западне Европе као братске по вјери, о чему је посебно писао Василиј Зењковски. Киријевски такође сматра да је по-требно да се прожимају двије средне културе, да европско образовање треба да

се прочисти духовним, да се очисти од искључивог рационализма и да добије нову димензију.

У модерној филозофији, филозофији 20. вијека, поједини истраживачи, као нпр. акад. О. Н. Трубачов такође су заступали идеју Киријевског, да је руски човјек, са свим својим словенским аутентичностима, неодвојив дио европске традиције, да је Европа окрњена без руског човјека и његове културне баштине, и да је за развој руске културе и друштва и да како важан цјелокупан развој земаља западне Европе.